КУБАНСКИЕ АГРАРИИ ЗАГОВОРИЛИ О БИОМЕТОДЕ

В последнее время на совещаниях, семинарах различного уровня стали довольно много говорить о применении биометода в производстве сельскохозяйственной продукции. Это касается и животноводства и растениеводства. Нам показалось, что разговоры эти начались не от хорошей жизни. На Кубани продолжается активный процесс деградации почв, есть серьезные проблемы в животноводстве. Поэтому мы решили поговорить на эту тему с Виктором Ярошенко, исполнительным директором компании ООО «Биотехагро», единственного в крае предприятия, которое занимается промышленным производством биопрепаратов для аграрного сектора на основе живых полезных микроорганизмов.

Виктор Андреевич, вы довольно давно работаете на Кубани. Но складывается такое впечатление, что вас до последнего времени не замечали, а биометод и сегодня как-то несерьезно воспринимают аграрии. Это так?

– Доля правды в вашем утверждении есть. Наши постоянные клиенты, это люди, которые испытали на своем производстве все последствия вредного воздействия патогенной микрофлоры, которая годами накапливалась в почве. Традиционными методами справиться с ней они уже не могли, оказавшись в безвыходной ситуации. С каждым годом урожайность снижалась, несмотря на колоссальные затраты. То есть, они вносили удобрения, применяли химические средства защиты растений, а проблемы оставались. И тогда, понимая, что выхода у них нет, они обратились к нам. Как показывает многолетний опыт, мы смогли помочь аграриям, поля стали давать урожаи адекватно вложенному труду. Что касается второй части вашего вопроса о несерьезном отношении к биометоду, считаю, что сегодня так относятся либо некомпетентные люди, либо просто временщики, так как биометод подразумевает кропотливую работу и, прежде всего, профилактическую.

Хорошо, но вот не получилось с профилактикой, и возникли серьезные проблемы. Биометод может исправить ситуацию?

– Конечно, и в некоторых случаях по-другому ее не исправишь. Особенно, если речь идет о корневых гнилях или о «больном» поле. Сегодня в крае, практически, нет здоровых полей. Все они в той или иной степени заражены различными возбудителями. Причем, сейчас наблюдается смена возбудителей, на первое место выходят, например, альтернариозы. Недавно на предпосевном краевом совещании было сказано, что 100% семян у нас заспорены этим грибом. Альтернария с семян переходит на растения и создает серьезные проблемы. Причем, она выявляется сегодня практически на всех сельскохозяйственных культурах, включая сады и виноградники.

То, что этот гриб опасен для растений понятно, но чем опасна альтернария для животных и людей?

– Все грибы вырабатывают токсины, которые в той или иной степени вредны для человека, животных и окружающей среды. Альтернария вырабатывает очень сильные токсины – альтернариолы, альтенуен (в России они не ГОСТированы), которые попадая в организм человека или животного, вызывают токсикозы, ведущие к серьезным расстройствам здоровья.

Ее можно победить биометодом?

– С альтернарией можно успешно бороться биометодом, как и с другими фитопатогенными грибами, например с фузариями, которые являются серьезной проблемой для растениеводства края. Вероятно, фузарии стали паразитировать на растениях не просто так. Когда-то они были в узде, то есть в почве существовали микроорганизмы, которые их контролировали, не допускали их на растения. То есть, эти грибы существовали на уровне ризосферы, вели сапротрофный образ жизни и большого вреда растениям не приносили, а когда началось интенсивное применение химических фунгицидов, вспашка, почвенный микроценоз был разрушен и некоторые виды фузариев попали на растения уже в качестве паразитов. Приведу такой пример: тридцать лет назад я работал на кафедре ботаники Кубанского сельскохозяйственного института. Мы проводили эксперимент – брали залежный луг в районе Горячего Ключа и осуществляли вспашку небольшого участка. И брали в учхозе распаханное поле той же площади. Наблюдали, как восстанавливалась растительность после вспашки. Стоит отметить, что вспашка – это настоящий катаклизм для природы. Итак, на залежном лугу после вспашки ценоз восстановился через четыре года, а там, где мы наблюдали пашню, семь лет росли сорняки, сопутствующие культурным растениям, восстановления прежнего естественного растительного сообщества так и не произошло, осталось просто сорное поле. То же самое происходит в микробиологии; на залежных землях она буйствует, существует здоровое растительное сообщество в союзе с микробиотой, а на пашне уже давно этого нет. Некому восстанавливать почвенное плодородие, там не сохранились микробиологические сообщества, которые существовали в естественных черноземах. И биометод тут может действительно помочь. Ведь он опирается на полезные микроорганизмы, выделенные из естественной среды тех залежных земель, которые пока еще существуют. Мы можем вселить их обратно в хозяйственное поле и этим хотя бы начать восстановление микробиологического равновесия в почве.

Мне кажется, что ситуация с почвенным плодородием достаточно серьезная. Как вы думаете, может ли государство, как-то вмешаться для ее исправления?

– Мое мнение – государство должно взять под контроль эксплуатацию почв. То есть постоянно контролировать показатель почвенного плодородия, и если плодородие падает, то земли нужно изымать и передавать другим более рачительным хозяевам. Плодородие должно стать основой контроля землепользования, ключевым маркером. Причем, оно определяется не только наличием гумуса, но и наличием микроорганизмов. Если почва заселена патогенными микроорганизмами, ни о каком плодородии речь идти не может. Я считаю, что нужно ввести жесточайший государственный контроль использования и эксплуатации земель, и, в первую очередь, кубанских черноземов. Тем более, что статистика, которая уже ни для кого не секрет, и она была озвучена на губернаторском совещании, говорит нам о том, что процесс деградации почв ускоряется. Если нам предрекали опустынивание где-то к 2040 году, то есть содержание гумуса в почвах придет, практически, к нулю, то сегодня есть вероятность, что это может произойти и раньше.

То есть, Кубань станет пустыней?

– Вполне вероятно. Мы знаем, что многие пустыни были некогда землями процветающих цивилизаций. И эти цивилизации гибли не в результате войн, а потому что просто наступал голод. Истощалась почва, становилось невозможно кормить население. Но тогда все это происходило локально, а сегодня глобально.

Почему аграрии, которые заинтересованы в сохранении плодородия больше всех, так варварски относятся к земле?

– Это вопрос общей культуры. Эти люди, может, не ведают, что творят. Вторая сторона вопроса – отсутствие морали и жажда наживы. Я не считаю, что в нашей стране сельское хозяйство является высокорентабельным производством, и выжать каждый процент этой самой рентабельности для сельхозпроизводителя – большое благо. Вот и пытаются получить прибыль любыми способами, конечно, не думая ни о плодородии почвы, ни о здоровой окружающей среде. Часто сельхозтоваропроизводители, особенно фермеры, загоняют себя в тупик, выливая в разы больше химических препаратов на единицу площади с целью побороть какого-то вредителя или болезнь; передозировки колоссальные, используют какие-то немыслимые химические коктейли. А результат прямо противоположный, они сами, своими руками выводят такие расы вредителей и возбудителей заболеваний, которые не поддаются никаким химическим препаратам. Конечно, без жестких методов в системах возделывания сельскохозяйственных культур пока не обойтись, но я думаю, что сегодня в основе этих систем должны преобладать экологизированные элементы, в том числе и биопрепараты, а синтетическую химию применять только в необходимых случаях

Они понимают, что происходит?

– Уверен, что многие понимают и делают такие вещи намеренно. Более того, они нас, – потребителей, не жалеют, ведь эта продукция прямиком идет на рынок. Я спрашивал, думают ли они о своих детях, внуках, но ответ один – так можно быстрее заработать. Самая страшная беда, что землей сегодня может заниматься кто угодно. То есть, абсолютно правильно говорит наш губернатор – земля стала товаром, она попадает в руки случайных, совершенно необученных людей. Поэтому задача государства взять этот процесс под контроль, организовать обучение фермеров, ведь, в конце концов, от них зависит наше здоровье. С другой стороны, я, например, могу утверждать, что овощи, произведенные крупными тепличными комбинатами, гораздо чище, чем те, что выращены в открытом грунте.

То есть, вы хотите сказать, что наше предубеждение, перед тепличными огурцами устарело?

– Именно. Крупные тепличные комбинаты, например, в тепличном комплексе Магнит «Зеленая линия» для защиты от вредителей используют исключительно биопрепараты. В этом случае они сами заинтересованы работать в чистой среде. Кроме того, уже сегодня качество и чистота продуктов становятся определяющими факторами их успешной реализации.

Вы можете привести пример, что биометод – это выгодно?

– Такие примеры есть. В Азовском районе Ростовской области работает довольно крупное фермерское хозяйство – ИП Щебетьево А.И. Часть площадей там возделывается по обычной технологии, а часть по принципам органического земледелия, где применяются наши препараты. Владелец заключил договор с фирмой, занимающейся продажей экологически чистой продукции и снабжающей несколько магазинов в Москве и Санкт-Петербурге. Он производит пшеницу озимую и яровую, овес и чечевицу. По органике он получил на озимой пшенице 38 центнеров с гектара, при себестоимости зерна – 80 копеек за килограмм, а продаст ее, как минимум, по 14 рублей, как органический продукт. Получается, что не надо получать 60 центнеров с гектара, достаточно 38 при предельно низкой себестоимости и высокой реализационной цене.

Что мешает дальнейшему развитию биометода в нашей стране?

– Прежде всего, очень утяжеленная система регистрация биопрепаратов. Биопрепараты регистрируются по той же схеме, что и химические. То есть, у крупных химических концернов для этого средства имеются, а у производителей биопрепаратов их нет (они не такие богатые). Стоимость регистрации одного продукта составляет миллионы рублей. Что еще более осложняется тем фактом, что одним препаратом в биометоде проблем не решить, нужен комплекс, чтобы создавать системы положительного воздействия на агроэкосистемы. К сожалению, сколько бы ни говорилось об упрощении регистрации на протяжении уже многих лет, этого не происходит. Второе, регистрация максимум утверждается на десять лет. Но, если препарат работает нормально, если не приносит вред окружающей среде, зачем его перерегистрировать? Проходить те же предрегистрационные процедуры, платить миллионы, тратить время. В результате биопрепараты уходят с рынка. У нас их осталось очень мало. Например, биоинсектицидов осталось всего два. И, если в 90 годы в этом списке было до 30% биопрепаратов, то сейчас их не наберется и процента. И этот процесс продолжается. Но ставить на одну линейку биопрепараты и химические средства нельзя. Биопрепараты другие, они работают по-другому. Я считаю, что необходимо разделить условия регистрации химических и биологических препаратов. Прежде всего, потому, что биопрепараты являются элементами экосистемы. Они безвредны, безопасны, работают локально. Почему мы должны их регистрировать как инородное тело, как яд?

Галина Шишкина